

One man show в Эрмитаже

Выставка Фрэнсиса Бэкона
Русский телеграф, — 1998 — 3 июня, — с. 10

В Эрмитаже открыта очень хорошая выставка. Это продолжение серии выставок одной картины. Конечно, любая выставка есть добро. В нашем отечестве, с его тающим бюджетом культуры, это добро вдвойне — однако одиноко висящую картину, лишённую всякого контекста, все же очень трудно назвать выставкой, как бы хороша она ни была. «Гадалка» Жоржа де Ла Тура, «Видение Иоанна на острове Патмос» Веласкеса, двойной портрет Халса (если вспомнить лишь последние из подобных моновыставок) — все эти произведения были очень хороши, но ведь даже по самой удачной цитате нельзя судить о целом романе.

Во времена существования СССР Эрмитаж, самый крупный музей самой большой страны в мире, одаривал публику многочисленными привозами шедевров, по несколько десятков сразу. Теперь, став первым музеем России, свел подобные выставки к минимуму. В то же время нельзя не отдать должное дирекции музея, неизменно находящей возможность показать людям хотя бы один шедевр. Подобные выставки делаются безо всякой помощи отечественных организаций и только благодаря сложной игре Эрмитажа, посылающего крупным мировым музеям различные экспонаты из своих коллекций. При этом зарубежные партнеры оплачивают транспортировку и страховку и тех вещей, что Эрмитаж отправляет, и тех, что он получает. Правда, послав своих Кандинских на огромную выставку, что была собрана в Музее Гуггенхайма в Нью-Йорке, Эрмитаж выставил лишь одну

картину Фрэнсиса Бэкона — зато русской стороне эта выставка не стоила ничего.

При взгляде на триптих Фрэнсиса Бэкона, выставленный сейчас в одном из залов Кутузовского коридора на первом этаже Зимнего дворца, не сразу предаешься печальным размышлениям об обеднении Эрмитажа. Композиция «Три эскиза к Распятию» настолько плотно заполняет зал интенсивным энергетическим полем, что никакого чувства неудовлетворенности не остается. От этой выставки даже чувствуешь некоторое утомление — три полотна, составляющие единое целое, перенасыщены так, что становится непонятным, как можно выдержать большую выставку Бэкона.

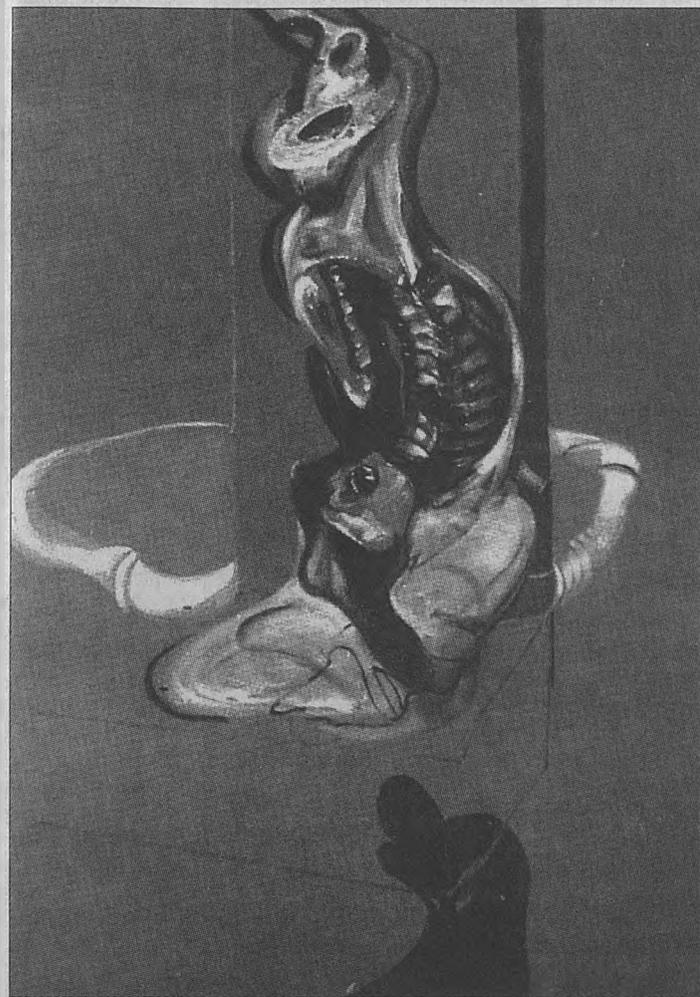
На фоне темного красного цвета, обозначающего некое пространство, корчатся непонятные фигуры, напоминающие человеческие силуэты и разделанные туши. Налитый кровью красный цвет вызывает две ассоциации — бордель и бойню. Что происходит — непонятно, однако ясно, что происходит нечто возбуждающее ужасное, кричаще непристойное. Ни ужас, ни непристойность нельзя облечь в адекватную словесную форму. Их объяснить нельзя; все — лишь эмоциональное послание, скрытое, как жизнь подсознания. Тяжелое воздействие запекшегося красного и темного зеленого сродни изматывающему экстазу, отнюдь не ведущему в райские кущи. Скорее это переживание души, обреченной на вечность ада, без всякой надежды даже на чистилище.

«Три эскиза к Распятию» — размышление над возможно-

стью религиозной живописи в нашем столетии. Сам Бэкон говорил, что картина его вдохновлена распятием Чимабуэ, итальянского художника XIII века. Действительно, в триптихе читается средневековая экзатичность, подобная той, которая доводила до открытия стигматов — как это случилось со Святым Франциском Ассизским, посредством медитации добившимся того, что у него открылись раны на теле в тех местах, где они были нанесены Иисусу. Бэкон, однако, совсем не был религиозным человеком. Он не создавал Распятия, он создавал лишь картину с распятием и честно назвал ее «эскизами».

Медитируя над картиной Ганса Гольбейна Младшего, князь Мышкин и Рогожин сошлись на том, что перед такой картиной и веру потерять можно. Мертвый Христос Гольбейна изображен как труп, как подлинный труп. И если Спасителя оказалось возможным со всей убедительностью изобразить как мертвого человека, то поверить в то, что он воскреснет, и представить себе, что святые жены, обмывавшие это мертвое тело, уверовали в его бессмертие, невозможно. Князь Мышкина и Федора Достоевского пугал натурализм ран; в картине Фрэнсиса Бэкона пугает натурализм эмоции.

«Три эскиза к Распятию» превращают религиозное переживание в физическое, и в этом Бэкон как будто бы близок к Чимабуэ и Святому Франциску. Только одно «но» возникает при этом сравнении — если Чимабуэ и Святой Франциск думали о Христе и страданиях божественных, то Бэ-

Фрэнсис Бэкон. Правая часть триптиха «Три штудии к Распятию»

кон заставляет вспомнить о концлагерях и страданиях человеческих, о тех страданиях, что причинял человек не Богу, а другому человеку. Мучитель испытывал удовольствие от страданий своих жертв, и Бэкон превращает зрителя в мучителя-созерцателя. Потрясение от его живописи граничит с удовольствием, совсем не очищенным религиозной медитацией. «Три эскиза к Распятию» Бэкона, бывшего почти атеистом, — настоящая религиозная картина.

ме для любителей уродов. Такая трансформация религиозного чувства в изобразительное искусство трагична, и триптих Бэкона — одно из свидетельств того, что и действительно после Гольбейна можно веру потерять. В то же время факт потери веры есть убедительное доказательство ее существования, а «Три эскиза к Распятию» Бэкона, бывшего почти атеистом, — настоящая религиозная картина.

АЛЕКСЕЙ ИВАНОВ